

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Козлова Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется теоретическое осмысление славянофилами сущности и формы государства. Автор выделяет исторические и культурно-психологические аргументы мыслителей в пользу самодержавной формы Российского государства. Приходит к выводу, что сущность и форма Российского государства тождественны друг другу.

Ключевые слова: самодержавие, славянофильство, консерватизм, самобытность, национальная культура, народность.

Славянофильство как течение отечественной общественно-политической мысли возникло в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. в рамках дискуссии о выборе вектора развития российской политики. Несмотря на часто встречающиеся в научной литературе оценки славянофильства как либерального направления [14, с. 67; 33, с. 66–67; 34, с. 8], мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые квалифицируют общественно-политические взгляды славянофилов как консервативные [7, с. 217; 20, с. 143; 31, с. 74–75], близкие к взглядам представителей теории официальной народности [21, с. 15–157; 24, с. 96; 29, с. 25].

В общественно-политических взглядах славянофилов исследователи усматривали и монархизм [24, с. 98; 12, с. 90], стремление сохранить самодержавие как строй, отвечающий духу русского народа [22, с. 77], и демократизм [16, с. 167], утверждение идеала патриархальной демократии под сенью самодержавной власти [30, с. 5], и даже анархизм [8, с. 123, 125]. Е.В. Старикова, Ю.З. Янковский отмечают определённую двойственность в воззрениях славянофилов – непоколебимую веру в то, что именно царь должен стоять во главе русского народа и государства и постоянное несогласие с конкретными действиями монарха, идейный консерватизм и неукоснительное требование кардинальных реформ общественного строя [28, с. 119], сочетание политической оппозиционности с откровенно монархическими убеждениями [34, с. 370]. Славянофилы, по мнению исследователей, защищая монархическую власть, в то же время не раболепствовали, осуждали деспотизм, а с помощью учреждения утопического «земского государства» боролись против политического идолопоклонства [35, с. 115–116]. Следует согласиться с идеями В.А. Гусева, что самодержавие рассматривалось славянофилами как фактор служебный, призванный обеспечивать органическое развитие самобытной народной культуры, но соответствующий её

основным ценностным ориентациям [11, с. 84]. По мнению Н.И. Цимбаева, философия истории – ключ к политической программе славянофилов [33, с. 119]. Однако следует заметить, что современники и исследователи подвергали критике исторические описания за вымысел, произвол и крайние фантазии [7, с. 220]. Обратимся непосредственно к взглядам конкретных представителей славянофильства.

П.Н. Медведев полагает, что политическая доктрина А.С. Хомякова не представляла собой монолитной системы, а носила мозаичный характер, включая в себя идеи консерватизма, анархизма, либерализма и социализма [23, с. 13, 18]. Исследователи творчества Хомякова сходятся в том, что в основе его политических воззрений лежат теологические конструкции [25, с. 71–78; 26, с. 268]. В работах мыслитель отмечал, что жизнеспособность формы государства определяется спецификой его формирования и развития в историческом процессе. В своей Семирамиде – «Записках о всемирной истории», которую автор писал 20 лет [10, с. III], он изложил учение о двух началах, определяющих историю народа: иранском (в основе данного типа лежит необходимость и принуждение) и кушитском (в основе второго лежит свобода и любовь). Поскольку «на нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания», а «кровь и вражда не служили основанием государству русскому» [32, с. 42], то и в трансформации государственной формы самодержавие не нуждалось. При этом в основании российского государства Хомяков видел не только «правительство из варягов», но и «областные веча – внутреннюю сторону государства», которые обладали определенной свободой в выражении собственного мнения и которые, по мнению Хомякова, безусловно, следовало сохранить. В написанной в назидательном тоне от лица «старшего брата» [13, с. 146] работе «К сербам» он указывал: «Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрепляйте ее, дабы не впасть в безначалие и бессилие; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнения, как словесного, так и письменного... Она нужна гражданам и, может быть, еще более нужна самой власти, которая без нее впадает в неисцельную слепоту и готовит гибель самой себе» [32, с. 270]. Указывая на значительную роль православия в становлении государства на Руси, Хомяков полагал, что «прямою обязанностью в государстве, которое, как земля Русская», должно стать проявлением «человеческого общества, основанного на законах высшей нравственности и христианской правды» [там же, с. 163]. Идеализируя допетровскую Русь, он объяснял её пороки личными заблуждениями царей [15, с. 20].

И.В. Кириевский определял бытие российского государства в тесной связи с персоной царя: «Я не отделяю в моих мыслях понятия о русском Царе от понятия о России... Ибо то, что составляет благо России, не может не составлять главной цели ее Царя» [18]. Развивая мысль о мирном спокойном естественном характере развития российского государства в противоположность европейским порядкам («там государ-

ственность из насилий завоевания – здесь из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения» [32, с. 436–437]), он усилил акцент на роли православия как фактора функционирования самодержавной власти царя: «Для меня душа государства есть господствующая вера народа... Потому, только возникая из веры и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, может государство развиваться стройно и сильно, не нарушая свободного и законного развития личностей и так же свободно и живительно согласуясь с духом народа, проникнутого тою же верою» [17]. Раскрывая в своих трудах формулу «Православие. Самодержавие. Народность», славянофил указывал на нераздельную связь между элементами триады: «Законность, Отечество, Православие суть коренные стихии, из которых слагается понятие русский Царь» [18]. Крепость самодержавной власти, по мнению Кириевского, базировалась на отношении народа к царю, на том, что «русский человек любит своего Царя» [там же].

Теория К.С. Аксакова «Земля и государство» опиралась также на исторический фундамент: «Но как скоро община призвала государство, не уничтожая себя и не переходя в государство, – так в основу русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видим их сквозь всю историю русскую» [1, с. 224]. Земля, в концепции К.С. Аксакова, представляла собой «неопределенное и мирное состояние народа», а «государство или государь с не ограниченной никаким условием властью блюл тихую жизнь земли» [6]. Педалируя идею о свободном и сознательном создании государства, мыслитель приписывал аполитичность русскому народу: «Не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желая держаться своих внутренних, жизненных начал... Народ на Западе пленяется идеалом государства. Республика есть попытка народа быть самому государем, перейти ему всему в государство; следовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внешний, государственный. ...Отношения там становятся политическими: мир и спокойствие основаны не на любви, а на взаимной выгоде» [1, с. 225].

Славянофил утверждал, что добровольный союз государства и земли был нарушен Петром I так, что государство «сдавило общину в ее обычаях, в ее жизни; оно распространило свое государственное начало на народ и подчинило его этому внешнему началу» [там же, с. 226]. С точки зрения К.С. Аксакова, проникновение народа «государственным духом» грозило гибелью внутреннему началу свободы [там же].

И.С. Аксаков выделил два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический. Вопрос о том, «что лучше: коронованный ли народ, коронованное ли общественное мнение, или коронованный человек», по мнению мыслителя, решался в каждой

стране в соответствии с её местными потребностями и историческими особенностями развития [4]. В России, считал Аксаков, данный вопрос разрешен в пользу народно-монархического строя: «Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя, полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти» [там же]. По мнению Аксакова, народ, «отказавшись от всяких властолюбивых притязаний», свободно подчинил свою волю единоличной воле одного человека потому, что «эта форма, как бы ни были велики ее несовершенства, представляется ему наилучшим залогом внутреннего мира» [там же]. Характер ответственности власти государя славянофил определял в сугубо моральном ключе: «Верховная власть в России получила первоначально свое уполномочие от народа. Она ответственна, не юридически, конечно, а нравственно, по самой природе своей, за его судьбы, ответственна пред историей» [1, с. 674].

Стремление русского народа к неограниченному самодержавию И.С. Аксаков объяснял «непреложным историческим инстинктом» [5]. Рассуждая в духе Карамзина, мыслитель пишет: «Полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия, что, заменив основное начало русского государственного строя западноевропейскою конституцией, он стал бы отступником от народного исторического пути, изменником Русской земле, предателем своего народа» [там же].

Опираясь на теорию своего брата «Земля и государство», И.С. Аксаков определил «коренной русский тип государства» как земский: «Кто произнес: "самодержавие", тот вместе с тем произнес уже и "земщина", так как оба эти начала не только не находятся между собою в антагонизме, но одно подразумевает другое» [там же]. Модель государственного управления мыслится им следующим образом: «народу, Земле принадлежит мнение, и только мнение, – разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение – единой личной верховной воле» [3]. Комментируя данные высказывания, некоторые исследователи полагают, что в случае практического воплощения идей И.С. Аксакова Россия превратилась бы в буржуазную монархию [19, с. 8, 65; 12, с. 95].

Полагая Русь живым цельным организмом, славянофил видел в русском народе источник жизни и силы государства. Отрицая в русском самодержавии атрибуты немецкого абсолютизма и азиатского деспотизма, он настаивал, что «идея настоящего, именно русского самодержавия предполагает полную свободу нравственной и умственной общественной жизни», так как свободу речи Аксаков не трактовал как свободу политическую, а рассматривал её как неотъемлемую принадлежность человека, без которой он животное [4]. В качестве одного из механизмов выражения мнения народа Аксаков предлагал Земский собор, что даже в советской историографии рассматривалось как прогрессивный элемент славянофильской доктрины [9, с. 98].

И.С. Аксаков, так же как и ранние славянофилы, полагал, что, несмотря на неограниченный характер самодержавной власти, «государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа» [2], поскольку «есть многочисленные явления духа, которые не могут быть вызваны на свет Божий указом и которые не терпят никакой извне налагаемой формулы» [там же]. В то же время он упрекал земство в молчании и бездеятельности, которая и вынуждала правительство брать на себя большую часть принадлежащих обществу забот и обязанностей [1, с. 449].

Из всех представителей славянофильского течения Ю.Ф. Самарин являлся самым последовательным защитником российского самодержавия: «Принцип монархический – великое дело нашей истории. Она вся есть не что иное, как развитие этого принципа [27, с. 479]. «Неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов, – такова форма правления, которую создал для себя русский народ... и мы не хотим другой формы, ибо всякая другая была бы тиранией», – писал он [там же, с. 481].

Ю.Ф. Самарин сравнивал вопрос «Какая форма правления есть лучшая?» с вопросом «По какой мерке всего лучше кроить платье?». С точки зрения Самарина, портной ответил бы, «что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье [там же, с. 351]. Поэтому мыслитель делал вывод, что достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием [там же, с. 352].

По мнению мыслителя, несмотря на то, что русский человек «не домогается юридического, формального ограничения верховной власти», тем не менее он «ясно сознает ее назначение, её естественные пределы» [там же, с. 357]. Полагая в правительстве одну из форм, служащих выражением народной жизни [там же], и утверждая, что «сила и крепость правительства зависят всегда и везде от любви подданных», он обнаружил «общее, связующее начало» данной любви в православии: «Оно (правительство. –Н.К.) не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством [там же, с. 355–356]. Самарин считал, что русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека «от головы до ног» [там же, с. 367]. Анализируя манифесты о престолонаследии после Петра I, Самарин пришёл к выводу, что «не было понятия о законности у самих государей... не было понятия о законности в духовенстве... менее всего существовало это понятие в народе» [там же, с. 365]. С точки зрения мыслителя, закон при самодержавной власти представлял собой выражение ничем не ограниченной воли государя: «Для подданных не по-

тому обязательна воля государя, что она законна, а потому закон обязателен, что он есть воля государя» [там же, с. 366]. Таким образом, представить себе независимый от самодержавной воли источник права, по мнению Самарина, нельзя. Мыслитель не признавал идею, что в силу Божественного закона верховная государственная власть может принадлежать какой бы то ни было династии по праву, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду. С его точки зрения, закон Божественный благословлял власть государственную вообще и вменял каждому лицу в обязанности покоряться ей, потому что государственный строй (тот или другой) как существенное условие общезития служит к достижению предназначенных человечеству целей. «В этом смысле: "Несть власть, аще не от Бога"», – писал Самарин [там же, с. 442]. Но выработку государственных форм славянофил оставлял народу: «Каждый народ создает себе власть по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, обязательной для каждого лица, к тому народу принадлежащего» [там же].

Указывая на тот факт, что в России одна положительная сила – народ – выдвинула из себя самодержавного царя, признавая в нём своё олицетворение, свой внешний образ, философ полагал, что пока данное условие сохраняется, самодержавие «законно и несокруσιμο» [там же, с. 443]. Поэтому Самарин считал: «Всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время, в России, мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа» [там же, с. 444]. Он полагал, что народ не желал конституции, во-первых, потому что он верил добрым намерениям самодержавного царя; во-вторых, безграмотность народа, выброшенность «из колеи исторического развития» реформами Петра I делала его не способным для участия в движении государственных учреждений [там же, с. 445].

Разъединение государства и народа, по мысли славянофила, привело к тому, что «народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным» [там же, с. 388]. Особенно Самарина удручало вмешательство государство в быт и культуру народа. Самарин был возмущён тем фактом, что «русский царь запрещает своим русским подданным носить русское платье» [там же, с. 74]. Основную задачу самодержавия Самарин видел в освобождении крестьян от крепостной зависимости и проведении ряда реформ, обеспечивающих «живое участие каждого гражданина в судьбе целого государства» [там же, с. 386]. С точки зрения Самарина, в России требовалось возродить общественные выборы, общественные распоряжения и общественные приговоры с тем, чтобы общественные права не превратились в тягостную повинность и правительство не компенсировало бы недостаток общественной активности «произвольным вмешательством своей власти» в дела народа [там же, с. 393]. Таким образом, Российское

государство Самарин полагал единственным субъектом социально-политических изменений.

Подводя итоги осмысления славянофилами сущности и форм государства, необходимо отметить следующее. Признавая вариативность форм государства, мыслители утверждали, что они формируются исторически и зависят от уровня политической и правовой культуры народа. В соответствии с данным тезисом славянофилы признавали единственной формой российского государства самодержавие, которое они рассматривали как выражение национального духа русского народа. Современное славянофилам самодержавие трактовалось ими как искажённое реформами Петра I. Отношение славянофилов к государству базировалось на критике отдельных проявлений деятельности самодержавных царей и признании несомненной ценности его как политического института. Сущность данной формы государства мыслители видели в том, что оно позволяет народу жить вне политики. Самодержавие давало народу возможность сосредоточиться на более важных, с точки зрения славянофилов, религиозных вопросах, при этом не вмешиваясь в его духовную и бытовую жизнь. Славянофилы усилили аргументацию психологического характера в пользу самодержавия, полагая в русском народе инстинктивную предрасположенность к данной форме государства. Таким образом, сущность и форма российского государства сливались в концепциях мыслителей в единое целое и не подлежали изменению.

Список литературы

1. Аксаков И.С., Аксаков К.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. 887 с.
2. Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_o_vzaimnom.html
3. Аксаков И.С. В чем наше историческое назначение? URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_nashe.html
4. Аксаков И.С. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_russkoe_samoderjavie.html
5. Аксаков И.С. Что значит: выйти нашему правительству на исторический народный путь? URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_что_znachit.html
6. Аксаков К.С. О русской истории. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_o_russkoy_istorii.html
7. Галактионов А., Никандров П. История русской философии. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1961. 460 с.

8. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 120–130.
9. Ганичев И. Обсуждение доклада С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство» // Историк-марксист. 1941. №1. С. 97–100.
10. Гильфердинг А. Предисловие // Хомяков А.С. Записки о всемирной истории: в 6 т. М.: Типогр. Бахметьева, 1873. Т. 4. Ч. 2. С. III.
11. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 235 с.
12. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли середины XIX в.) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–97.
13. Досталь М.Ю. Славянофильство в историософии и политических воззрениях А.С. Хомякова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: в 2 т. М.: Языки славян. культуры, 2007. Т. 2. С. 136–146.
14. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
15. Егоров Б.Ф. А.С. Хомяков – литературный критик и публицист // Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 9–40.
16. Керимов В.И., Поляков Л.В. В.А. Кошелев. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850)// Вопросы философии. 1986. № 6. С. 166–169.
17. Киреевский И.В. Два письма к А.И. Кошелеву (о взаимоотношениях церкви и государства). URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_dva_pisma.html
18. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html
19. Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.): учеб. пособие. Горький: ГГУ, 1974. 74 с.
20. Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143.
21. Кошелев В.А. «Чудная страна» Константина Аксакова // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 155–157.
22. Малинин В.А. О социальных и теоретических истоках славянофильства // Философские науки. 1967. № 1. С. 77–85.
23. Медведев П.Н. Политико-правовые взгляды А.С. Хомякова: автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2006. 22 с.
24. Плеханов Г.В. М.П. Погодин и классовая борьба // Соч. / под ред. Д. Рязанова. М.: Госиздат, 1926. Т. 23. С. 45–101.

25. Попов А.А. Социально-политические воззрения А.С. Хомякова // Социально-политические науки. 1992. № 4–5. С. 71–78.
26. Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: истор. очерки. 4-е изд. СПб.: Колос, 1909. 576 с.
27. Самарин Ю.Ф. Избранные труды // сост., автор вступ. ст. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
28. Старикова Е.В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850-е гг. М.: Наука, 1978. С. 67–167.
29. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГА, 2006. С. 7–70.
30. Фридлиндер Г. От редактора // Хомяков А.С. О старом и новом: ст. и очерки. М.: Современник, 1988. С. 5–8.
31. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004. 528 с.
32. Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
33. Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: МГУ, 1986. 274 с.
34. Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х гг. М.: Худ. лит., 1981. 373 с.
35. Янов А. Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 90–116.

THE NATURE AND FORMS OF GOVERNMENT IN THE SLAVOPHILES' POLITICAL PHILOSOPHY

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The article is aimed at the study the Slavophiles' understanding of the nature and forms of government. The historical, cultural, and psychological arguments given in support of the autocratic form of the Russian government are examined. It gives the basis for their conclusion that the nature and form of the Russian government are identical.

Keywords: *autocracy, Slavophiles, conservatism, identity, national culture, ethnicity.*

Об авторе

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: n_s@pochta.ru

Author information

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru